

Елена Медведева

*Ph.D., клинический психолог,
Сертифицированный психоаналитик УАП-ЕКПП,
практик и преподаватель психоанализа,
лектор Международного института глубинной психологии
<https://orcid.org/0000-0003-2808-7622>*

АВАТАР НА КУШЕТКЕ И СОПРОТИВЛЕНИЕ АНАЛИТИКА

Марк Цукерберг дал Фейсбуку фундаментальное определение: «*Это зеркало того, что существует в реальной жизни*». Изменился ли субъект в виртуальном измерении, где отслеживается каждый шаг, где сети затягивают в свою пучину и воруют все свободное время, где существует настоящий рай для авантюристов и извращенцев, где любой пост может стать эпитафией? В связи с пандемией психоанализ вынужден был перейти в онлайн, но вызвал тревогу у психоаналитиков. В современном дискурсе, где виртуальное становится неотъемлемой частью жизни субъекта, что-то должно произойти и в психоаналитическом мире. Что мы можем предложить анализам, преодолевая собственную тревогу и сопротивление?

*Аватар, кроме значения в индуизме как инкарнации божества, в современности означает персонаж некоей виртуальной реальности, игры, представляющий некоего действительно существующего человека или же маленькое изображение, представляющее определенного человека, пользователя виртуальной реальности.

*Психоаналитик - это не только тот, кто слушает особым образом, интерпретирует, но и тот, кто ведёт человека в направлении столкновения с тем, что невозможно помыслить и представить. В этой логике аналитик - партнер, на которого

будут направлены желания и ожидания определенного человека - субъекта речи, который высказывает, спотыкаясь в своем высказывании, оговариваясь, о субъективной истине.

«Психоанализ - это всё что угодно, но только не следование архаическим догматам», - предупреждает французский аналитик Жак Лакан. А итальянский психоаналитик Серджио Бенвенуто парирует: «Психоанализ - не физика, для которой невозможно выйти за пределы скорости света. Аргументы психоаналитиков, которые отрицают Скайп или другие коммуникационные мессенджеры, те же, что и учителей: нужно живое присутствие аналитика для аналитических отношений». «Святые слова, - говорит сеньор Бенвенуто, - но сказаны они в том мире, где нет давно ничего святого, в котором все течет, все изменяется».

Поразмыслим над этим.

Вопрос о виртуальном в психоанализе, понятно, стал особо острым после того, как мир столкнулся с пандемией и внезапно стал иным. До этого мы так же консультировали онлайн иностранных или иногородних анализантов, в том количестве и с теми подходами, которые для нас были приемлемыми, и соответствовали нашему желанию как желанию психоаналитиков.

Но в связи с локдаунами на аватарках психоаналитиков в мессенджерах повсеместно появились надписи «Консультирую онлайн» - таким образом специалисты вписались в критическую ситуацию. И получить помощь онлайн захотели многие в силу вынужденного ограничения передвижения, страха заболеть и прочих тревог, которые поднялись из-за непонимания и ужаса, связанного с распространением вируса.

Некоторые психоаналитические сообщества, особо тяготеющие к ортодоксальности, подняли бучу: так нельзя, нарушаются психоаналитические правила, невозможно услышать перенос, сопротивление, есть много странных особенностей в виде места, откуда выходит на связь человек, где он может

уединиться - автомобиль или даже туалет. (Что, впрочем, тоже терапевтично для анализанта - обнаружить отсутствие места в доме и понимания близких.) Плюс, как мы знаем, важна психоаналитическая рамка кабинета, присутствие тела аналитика и анализанта, в конце концов. Ну вопрос этики. Другие же психоаналитические сообщества поддержали тех коллег, которые отозвались на изменения, задумались о поиске новых подходов, включились в переосмысление новых реалий, обозначили пути исследования этих перемен.

В любом случае возникает вопрос: почему это нас, психоаналитиков, так возбудило?

Начнем с того, что, конечно, интернет стал властителем мира. А веб-сайты - это настоящие видеоархивы жизни человечества. Социальные сети стали плацдармами воен, но и предупреждением их, опасностью и безопасностью: известно, что теракты, к примеру, и организовывались в соцсетях, и предупреждались службами безопасности там же.

Однако, ни одна социальная сеть не стала необычной, они типичны. Фейсбук стал продуктом подросткового самодельного Фейсмаш. Твиттер появился в результате поспешного отхода от неудачного сервера подкастов, который планировали для рейв-сцены Сан-Франциско, а Гугл начался с идеи двух стэнфордских молодых до разумных, которые хотели написать хорошую диссертацию. Да и Ютуб, появившийся в 2004 году благодаря пари Джастина Тимберлейка, который пообещал в прямом эфире раздеть Джанет Джексон, стал источником информации, как вы понимаете, случайно: никакая из компаний, участвовавших в трансляции Суперкубка 2004 не хотели скандала, видео обнаженной груди Джексон поторопились стереть, хотя его увидели миллионы зрителей прямого эфира, но оно осталась все же в записях, и его просто надо было положить в одном месте, доступном для поиска и обмена. Что, собственно, и было сделано.

«Ты прекрасно выглядишь и я тебя люблю» - с такой фразы, очевидно, не начинают знакомства в Тиндер. Но она пригодилась для перечня типичных фраз, которые специалист по искусственному интеллекту Джанель Шейн научила читать компьютер. После этого искусственный интеллект, мозг, нейронная сеть выучила эти фразы и создала свою. Нейронные сети - новый тип компьютерных сетей, который вместо программирования опирается на формальную логику: если а = да, делай в, если а = нет, делай с. Нейронные сети напоминают живой мозг. Тут миллионы искусственных нейронов, которые устанавливают синапсы с тысячами других. Каждый имеет свою степень интенсивности и синаптические связи. Они функционируют путем узнавания систем, отслеживают ошибки в информационных колоссальных объемах, их тренируют с помощью процесса глубинного обучения. Сначала было дело под контролем человека. Сегодня уже без. Нескончаемый поток контента, создаваемого в интернете ежедневно, дает бесконечные данные для обучения этих все более умных машин. И они уже сами могут отбирать и присваивать информацию, пользоваться нею, создавать свой образ.

Более того, машины вторгаются и в поле речи, там где работают психоаналитики. Один из известных стартапов синтеза языка Lyrebird еще в 2017 году шокировал мир тем, что опубликовал запись убедительного и абсолютно фейкового разговора Барака Обамы, Хиллари Клинтон и Дональда Трампа. Другая компания презентовала инструменты редактирования, показав, что изменять или добавлять новые биты языка к файлу можно также, как и к изображению.

Нейронные сети могут синтезировать то, что мы читаем и слышим, что присваиваем от других, то, что видим. Например, мир облетела трехмерная фотореалистичная модель лица известного боксера Мухаммеда Али. Это гиперреалистичное лицо, готовое к помещению в виртуальный мир, и машины

способны переписать историю того, что делал и что говорил Мухаммед Али, когда был жив. И возникает вопрос: где разница между хорошим и плохим искусственным интеллектом, опасным и безопасным, и какой из них будет побеждать? От этого зависят не только судьбы политики, войн, выборов, демократии, цивилизации и объективной реальности. Машинный интеллект будет вести битву с другими машинными интеллектами, а посередине окажемся мы, как часть конфликта, который мы начали, но на динамику развертывания которого вряд ли уже сможем повлиять.

Нет ни одного исторического примера, аналога скорости и тотальности, с какими платформы соцсетей завоевывают планету. Идею телеграфа внедряли на протяжении двух поколений, а Интернет появился в правительственных лабораториях США на протяжении нескольких десятилетий. Изумились творцы социальных сетей, когда их платформы получили тысячи, миллионы, миллиарды пользователей, они даже не представляли, как их системы можно использовать. Они просто хотели заработать денег. Все онлайн платформы - это предприятия для бизнеса. Но никто из их основателей и не мечтал о такой популярности. Это произошло само собой. Сегодня социальные сети, месенджеры очень влиятельные, легкодоступные и гибкие. В каждой идет битва не столько актуальных вопросов, сколько за будущее. Исследователи Брукинг и Сингер в работе «Война лайков» говорят, что это будущее похоже на научную фантастику, однако выглядит удивительно реалистично.

Окей, Гугл!

Люди все же уникальны в своей способности учиться и эволюционировать, изменять структуру окружения. Хотя Интернет породил драматические новые силы, эти изменения еще далеки от неизведанного и незнамого. Нашу тревогу может снять понимание, что современное информационное про-

странство все же стабильно, Интернет остается в предсказуемом будущем одним из главных способов коммуникации, он будет масштабироваться, но информационная экосистема не изменится, она достигла точки зрелости. Интернет, конечно, поле битвы. А человек все же борется за то, что действительно имеет для него значение: признание, внимание и вовлеченность. Интернет изменяет способ нашего восприятия информации. Сфабрикованное событие, сфабрикованная жизнь напоказ может иметь силу, так как люди это верят. Это битва за манипуляцию, которая одновременно делает все прозрачным, но и легко затененным. А мы все - часть этой битвы. Нас окружает информационная борьба и очевидная, и невидимая, которая стремится изменить наше восприятие мира. Мы лайкаем и расшариваем, и нет тут нейтральной территории.

Самое важное, в этом эволюционном процессе нет ничего экстраординарного. И его можно помыслить с помощью известной притчи, наистарейшей в истории человечества, которая берет начало из индуистских и буддистских текстов, написанных почти четыре тысячелетия назад. Это притча о слепых и слоне. Группа незрячих ощупывают слона и представляют много разных объектов: змею, дерево, стену - и начинают драться из-за несогласия. Индуистская Ригведа подытоживает рассказ так: «Реальность одна, хоть мудрец говорит о ней по-разному». Когда есть сомнения, нужно искать иную мысль, другую, третью, четвертую.

Кто такой Аватар? - человек со своей истиной и представлением о себе для другого. Но чем он отличается от того, кто появляется в нашем кабинете? Знаем ли мы нашего аналитанта, правду его или правду о нем. Нет. У нас есть его речь и его субъективная истина. И она может появиться как офлайн, так и онлайн. Понятие «субъект» Лакан постоянно перерабатывал, но всегда в сопряжении с бессознательным, как эффектом языка. Такой себе Вайфай бессознательного. Субъект

Лакана изначально обозначен как пребывающий в отношениях с большим Другим, который представлен или другим субъектом, или местом, в котором загодя сформирована, сформулирована речь. Эти отношения поддерживает регистр символического, где субъект бессознательного проявляется на уровне акта высказывания - в образованиях бессознательного, таких как симптомы, сновидения, ошибочные действия и остроты, то есть там, где речь идёт о сингулярных проявлениях сексуированного в своей сущности желания. Регистр символического опирается на исконный сбой человеческой внеприродной (психо)сексуальности. Регистр символического задаёт режим уникального, непредсказуемого интерсубъективного взаимодействия, и повторения в смысле производства новизны.

Я думаю, что одни психоаналитики несколько растерялись перед этим новым виртуальным, может быть, даже возмутились тем, что все идет не по правилам, принятым когда-то, но стали изучать, осмыслять: кто же теперь их анализант, каков он, как его услышать, и что может изменить в отношениях аналитик-анализант. Другие стали отрицать неизбежность прогресса и утверждать, что человека нужно вернуть назад, куда, правда, неясно, потому что присутствие якобы третьего - монитора, то есть некоей машины, которая якобы тоже оказалась «очеловеченной», а так же виртуального пространства, не кабинета, не позволяет развиваться анализу, мешает слушать и слышать.

Я хотела бы здесь напомнить о том, что третий все же в аналитическом акте - речь, высказывание, а не экран. Организация психоаналитического процесса онлайн - это теперь не только место, в которое говорит анализант, это и особенное место, с которого говорит анализант. Это виртуальная кушетка, но речь звучит. Анализант так же ассоциирует, ошибается и проговаривается. Вопрос - преодоления сопротивления самого психоаналитика. Я бы хотела напомнить о довольно важных постулатах, оставленных нам классиками психоанализа.

Фрейд пишет статью «Сопротивления психоанализу» в сентябре 1924 года. Обратим внимание на ее название. Речь здесь идет не о «сопротивлении психоанализу», а о сопротивлениях во множественном числе. С тех далеких пор некоторые сопротивления, похоже, ослабли, другие, напротив, усилились. Более того, появились новые причины для сопротивления. Кроме того, сопротивления эти во многом были и остаются феноменом не только «внешним», но и «внутренним». Можно сказать, что психоанализ подвергается атаке не только и не столько извне, сколько изнутри. Можно представить три разных фронта сопротивлений. Во-первых, сопротивление, конечно же, сначала было обнаружено Фрейдом как феномен клинический, как линия фантазматического фронта в психоаналитическом кабинете и именно превращение сопротивления из препятствия анализу в средство анализа стало одним из оснований рождения психоанализа.

Во-вторых, можно говорить о сопротивлениях психоанализу со стороны внешней - медицины, средств массовой информации, того же интернета, социальных сетей. В-третьих, о сопротивлениях внутренних, исходящих от самих психоаналитиков. Это сопротивление связано с вопросом о пределах психоанализа, о границах, которые никому так и не удалось провести, и это не случайно.

Внутреннее сопротивление психоанализу – сопротивление психоанализу от имени психоанализа. Фрейд оставил открытую систему, и, если психоанализ пересобирается каждый раз заново в зависимости от сингулярного случая, всегда уже остается место для других толкований, всегда уже сохраняется неанализируемый остаток. Отношение к новому Фрейд начинает отношения к новому младенца, суеверного, крестьянина: «Когда грудной ребенок, находясь на руках у няни, с криком отворачивается от незнакомого лица, когда набожный человек начинает новый день молитвой или благословляет

плод, который он впервые вкушает в этом году, когда крестьянин отказывается купить косу, на которой нет одобренной его родителями фабричной марки, то различие всех этих ситуаций очевидно, и было бы, по-видимому, правильно искать отдельный мотив для каждого из них». Весьма своеобразно Фрейд приводит три примера не для того, чтобы указать на сходство неодинаковых, на первый взгляд ситуаций, но чтобы заключить об их различиях. Для наших рассуждений этот момент принципиальнейший: психоанализ работает с сингулярностями. После неожиданного различающего хода Фрейд все же обращается к аналогии и обнаруживает кое-что общее для всех трех случаев, а именно неудовольствие, причиняемое «теми требованиями, которые предъявляет к душевной жизни новое, та психическая затрата, которой оно требует, та повышенная неуверенность, которую оно приносит с собой и которая может доходить до ожидания, исполненного страха» .

В «Автопортрете» Фрейд, различая свой подход от теорий Юнга и Адлера, говорит о своем стремлении пройти между бессистемностью и жесткой системой, т. е. по сути дела пишет о желании создать открытую систему, в которой «концепты соотносятся с обстоятельствами, а не с сущностью». Открытость фрейдовской системы настоятельно подчеркивает и Лакан: «Мысль Фрейда более чем какая-либо открыта пересмотру», а Фуко вообще называет Фрейда одним из основателей дискурсивности, установившем «некую бесконечную возможность дискурсов».

Новое нарушает принцип удовольствия, преступает установленный им режим экономии, выводит из равновесия. От этих примеров Фрейд постепенно переходит к психоанализу, но сначала к науке и к ее должному бесстрашию: «В научной области не должно быть места такой боязни нового. В ее вечном несовершенстве и неполноте науке предназначено связывать свое развитие с новыми открытиями и новыми понятиями.

Чтобы не быть введенной в заблуждение, она поступает правильно, вооружившись скептицизмом, не принимая ничего нового, не подвергнувшись строгой проверке». Но скептицизм оборачивается своей другой стороной: «Он резко ополчается против нового, в то время как почтительно относится и щадит то, что уже известно и заслужило его доверие, и он довольствуется тем, что отбрасывает новое еще прежде, чем исследует его. Но тогда он предстает перед нами как продолжение примитивной реакции на новое, как личина для сохранения ее». Априорное отрицание нового сближает научный консерватизм с повседневной реакцией ребенка, набожного и крестьянина. И психоанализу, где, казалось бы, «не должно быть места такой боязни нового», оказывается свойственна неофобия.

Соппротивление, повторю - покров неофобии, отмеченной нарушением экономики принципа удовольствия. Новое же лишь отверстие для прорыва старого. Новое может вызывать сопротивление не только как что-то новое, но как хорошо забытое старое. Иначе говоря, новое может вызывать страх как хорошо известное неизвестное, как возвращающееся вытесненное, как до боли знакомое нераспознаваемое.

«Соппротивления психоанализу» указывают на, по меньшей мере, три комплекса, три мыслительные сферы: сексуальности, культуры и нарциссизма. Иначе говоря, все обращается вокруг того, что делает человека человеком. Все вращается вокруг трех травматических зон. Соппротивление вызывают сами механизмы субъективации. Субъект рождается в сопротивлении. Субъект рождается в культуру в сопротивлении культуре, в реорганизации либидо, в социализации нарциссизма. Смысл психоанализа учреждается в субъективности его истины. Истина не предшествует субъекту. Она конституируется по мере конституирования самого субъекта. В то же время следует отметить, что изменились отношения не только науки с «новым», но и психоанализа с «новым». Соппротивление вообще

оказывается приписанным с этой точки зрения воображаемому порядку и берет в нем свое начало. Объясняется это, исходя из того, что Лакан называет новой линией раздела в психике, появляющейся в «По ту сторону принципа удовольствия»: она проходит не между сознательным и бессознательным, а между стремящимся к самоповторению вытесненным и собственным я. Последнее и оказывается источником сопротивления. Сопротивление субъекта - это именно сопротивление анализу, сопротивление в анализе, сопротивление, вызываемое аналитиком. В конечном счете, согласно формуле Лакана, «нет иного сопротивления анализу, кроме сопротивления самого аналитика». Аналитик сам может оказаться в капкане сопротивления.

Психоанализ, конечно же, существует в культуре, на ее полях, на ее пределах и занимает маргинальную позицию в отношении господствующей культуры, которая позволяет ему культуру испытывать. Как часть культуры психоанализ не может испытывать ее извне, но может стремиться занимать предельно внешнюю позицию внутри. Здесь содержится парадокс не только места: оказываясь на полях культуры, психоанализ не требует отмены культурных запретов, не требует удовлетворения желаний. И он не за «раскрепощение наших общественно вредных влечений». Мишель Фуко в «Словах и вещах» пишет: «Фактически психоанализ ближе всего подходит к осуществлению той критической функции, которая, как мы уже видели, внутренне присуща всем гуманитарным наукам. Задаваясь целью заставить бессознательное говорить сквозь сознание, психоанализ устремляется в сторону той основополагающей области, в которой разыгрываются отношения представления и конечного человеческого бытия».

Психоанализ поддерживает свое существование, пока не забывает о критической функции, пока не принимается адаптировать человека к репрессивной культуре, пока не обслуживает систему. Лакановская мысль такова: аналитик образовывается

в качестве такового, когда желание анализировать становится больше желания проявлять личностные и чувственные реакции. До тех пор, пока для специалиста большой интерес, вопрос или проблему представляет сфера воображаемого, пока он остаётся захвачен собственными «нарциссическими миражами», говорить о психоанализе не приходится.

Психоанализ - это этика. В первую очередь это этика дискурсивной позиции, которая не позволяет судить другого и принимать за него решения. Мы работаем, пока не исчез мыслящий, желающий субъект. Он, возможно, сегодня находится в опасности стать придатком айфона или смартфона, но мы можем ему предложить пространство, время и место, чтобы оставаться субъектом нуждающимся и повторяющимся, страдающим и желающим. Субъект - подчиненный, подданный культуре, языку. Субъект психоанализа как субъект культуры это субъект исторический, меняющийся в зависимости от господствующей веры в те или иные положения религии, науки, идеологии. Субъект - совсем не «единичное природное существо», а подданный постоянно меняющейся культуры. Фрейд не раз писал о том, что его детище, психоанализ, не имеет определенного места в культуре. Но искусство психоанализа нацелено на изменение судьбы человека в культуре.

Пандемия вируса из тела перешла в социальные сети и стала рассадником другого вируса, фейкового, тревожащего еще сильнее. Также пандемия показала, что мир точно не будет прежним. Вынужденная эвакуация в виртуальный мир вынуждает нас изменить свои привычки, правила, но и вызывает сопротивление, которые, как считает Серджио Бенвенутто, вполне может быть аргументировано аналитичками и интеллектуалами. Но так уже было: появился телевизор - вредно, компьютер - еще вреднее. Но тем не менее он стал источником и способом работы, учебы, досуга. Но как понятно, что худшие способы использования нового объекта вызывают дискредитацию самого

этого объекта. То же относится и к месенджерам. Скайп не может быть психоаналитическим, - твердят многие специалисты, и находят аргументы. Да, теоретически мы можем назвать нюансы, особенности и некие невозможности работы с определенными психическими структурами. Но эта эволюция (или революция?) все равно состоялась и будет продолжаться, и, скорее всего теория тоже адаптируется к новым реалиям. Фрейд раньше тоже утверждал, что психоанализ невозможен для детей, взрослых после 50 лет, психотиков и первертов, не говоря уже о группанализе. Но его последователи открывали новые возможности.

Уильфред Бион считал, что мы можем говорить о совместном опыте анализанта и аналитика, и предположил использование внутренних психических процессов аналитика как возможность для понимания бессознательных процессов пациента. Но при этом, если аналитик вмешивает себя в это пространство, это будет ошибкой, по мысли Биона. Терапевтическая ситуация развивается в контексте отношений между аналитиком и анализантом, и, в связи с этим можно предполагать, что если есть перенос, то неизбежны и ответы аналитика, которые артикулируются в феномене контрпереноса или же сопротивлении. То есть, это реакции, которые могут отражать и собственные проблемы, и конфликты аналитика, которые внедряются в аналитические отношения. Жак Лакан пишет, что преградой на пути установления в анализе интрасубъективной истины оказывается образ. Перенос в этом случае замораживает диалектику субъекта, погружая его в воображаемые отношения. Будучи воображаемым, перенос образов оказывает сопротивление истине. Субъект преодолевает это сопротивление, когда ему удастся спроецировать свое прошлое в диалектику символических отношений. Перенос - метафора любви. Любящий субъект любит, поскольку у любимого есть неизвестный объект, которого нет у него. Лю-

бовь - всегда знак перемены дискурса. Динамика переноса - динамика любви. Любовь и ненависть - две центральные составляющие символического и воображаемого переноса. Воображаемые отношения с другими воздействуют на психотическую позицию в рамках переноса. На семинарских занятиях 1960/61 годов перенос у Лакана претерпевает буквальное перемещение. Он теперь исходит не от анализируемого, а от желания аналитика, занимающего вакантное место желания Другого. Аналитик занимает ключевую позицию в провоцировании символического переноса, поскольку воплощает функцию знающего. Контрперенос - не какой-то отдельный феномен, но неотъемлемая составляющая переноса. Аналитик неизбежно вовлечен в перенос. 19 марта 1974 года Лакан делает радикальное заявление: в психоанализе существует только один перенос - перенос аналитика.

Осмысляя эти феномены, все же нам стоит пересмотреть свое сопротивление новому и этому образу некоего «другого», который вторгается в процесс (или изменяет его, по-особому раскрывает?). Думаю, наша позиция в отношении анализа онлайн все же может быть обращена не только к реалиям времени как таковым, но и возможностью предоставить анализантам время, место, пространство, безопасное и продуктивное, отличное от того виртуального, в котором бывает страшно, одиноко, где пост может стать эпитафией, где развязываются войны, ведется слежка за каждым словом и действием...